Все эти 16 факторов отобраны с учетом целесообразности поддержания экологического равновесия и в результате проведенного корреляционного анализа по степени влияния на динамику кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения в Белгородской области [2, с. 198].

1. Акимова, М.С. Современные методы статистического анализа кадастровых данных [Текст]: учебно-методическое пособие для выполнения расчетно-графической работы по направлению подготовки 21.04.02 «Землеустройство и кадастры» / М.С. Акимова, Н.Ю. Улицкая – Пенза: ПГУАС, 2016. – 58 с.
2. Бершицкий, Ю.И. Роль земельного фактора в производстве сельскохозяйственной продукции [Текст] / Ю. И. Бершицкий, Г. Н. Барсукова, А. Р. Пшизова. – Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5. Экономика. – 2013. – № 3 (127). – С. 196–204.
3. Жданова, Р.В. Современные проблемы эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения. Современные проблемы землепользования [Текст]: сборник научных трудов. – М.: ГУЗ, 2015. – С. 95–102.
4. Мишина, З.А. Экономическая эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения [Текст] / Вестник НГИЭИ. 2011. №5 С. 51 - 63.
5. Пестриков В. Экономическая эффективность работ по восстановлению деградированных земель [Текст] / МСХЖ. 2014. №3. С. 14–17.
6. Харченко, М.А. Корреляционный анализ [Текст]: Учебное пособие для вузов / М.А. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2014. – 31 с.
7. Яроцкая, Е.В. Экономико-математические методы и моделирование [Текст]: учеб. пособие / Е.В. Яроцкая – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 176 с.

Корель Л.В., Павлюк Е.А.

О нищете архитектуры и господстве архаичной политэкономической парадигмы в современной федеральной промышленной политике России

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
(Россия, Новосибирск)*

doi:10.18411/sciencepublic-08-06-2020-15

idsp: sciencepublic-08-06-2020-15

1. О федеральной промышленной политике и темпах роста промышленного производства в России. В федеральной промышленной политике (ФПП) России выделяются два дискурса, акцентирующие различные, но сопряженные, предметные (и проблемные) стороны, казалось бы, единой ФПП. В рамках первого (условно назовём его «структурно-институциональным» или «холистическим») ФПП – это система действий государства как института, призванная в условиях рынка отслеживать и содействовать купированию опасных асимметрий, диссонансов и провалов в архитектуре, структуре и функционировании экономики промышленности страны в целом. Осуществлять в отношении её постоянную «терапию сопровождения» посредством «оздоравливающих эффектов» структурно-институциональных преобразований рыночной среды. [1, 14, 18 и др.].

В рамках второго дискурса (назовём его «хозяйствующие субъекты») ФПП – это, прежде всего, система действий государства, направленная на формирование благоприятной рыночной среды для эффективной стратегии поведения хозяйствующих субъектов – предприятий, корпораций, промышленных платформ и т.д. – в ходе их адаптации и интеграции в реалии, контексты и вызовы VI-го и VII-го технологических укладов, закладывающих базу Четвёртой промышленной революции. При этом в качестве главного творца и когнитивного ресурса этих укладов номинируется человеческий капитал. [11, 12, 17 и др.]

Решения, принимаемые Федеральным центром в рамках и по поводу ФПП, а также её результаты, широко освещаются и оцениваются в информационных

источниках как научного, так и общественно-политического профиля. Ряд ученых, политиков и практиков высказывают убеждение, что, несмотря на активную работу над ФПП как важнейшим федеральным проектом, степень ее результативности можно поставить под сомнение. [2, 3, 6 и пр.].

Российская промышленность первых двух десятилетий XXI века, по экспертным оценкам специалистов, представляет хаотический набор преимущественно устаревших технологических укладов, где предприятия III и IV укладов составляют до 85%, а производственные системы VI уклада, по сути, единичны. Оценка же самой ФПП в медийном пространстве науки и практиков колеблется по большей части в диапазоне между определениями: «удовлетворительная – провальная». Такого рода суждения подкрепляют и статистические данные. Например, показатель динамики прироста промышленного производства. Весьма противоречивые его тренды конца 10-ых годов XXI века, сменила сначала устойчиво негативная динамика в 2010-2013гг., а затем – слабо позитивная в 2014-2019гг., стабильно колеблющаяся в диапазоне весьма скромных значений. (Из неё выпадает провальный «санкционный» 2015 г., имеющий отрицательное значение прироста). Отметим, что разные статистические источники дают несколько расходящиеся данные за период 2014-2017гг., однако это принципиально не меняет общей тревожной картины состояния дел. (Таблица 2.) [4, 16]

Таблица 2.

Динамика промышленного производства в Российской Федерации в 2007-2019гг., темп прироста к предыдущему году, %.

2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
6.8	0.6	-10.7	7.3	5.0	3.4	0.4	2.5 (1.7)	-0.8 (-0.8)	2.3 (1.3)	2.1 (1.0)	2.9	2.6

Одновременно опасный тренд демонстрирует и показатель *динамики выпуска высокотехнологичных обрабатывающих видов деятельности*. Соответствующая статистика ведётся с 2016г., в котором был зафиксирован прирост в 19.1%., относительно предыдущего года. Однако в 2017г. темп прироста замедлился до 5%, а в 2018 г. перешел уже в область отрицательных значений (- 4.9%). В июне же 2019г. «первое полугодие завершилось еще более существенным сокращением выпуска данной группы обрабатывающих производств по отношению к соответствующему периоду 2018 года». [4] Такое положение дел актуализирует проблему широкого обсуждения и корректировки базовых идеологических, парадигмальных, концептуальных и др. основ ФПП.

Цель данной работы – привлечь внимание к политэкономическому дискурсу федеральной промышленной политики, а именно той его части, которая отражает (затрагивает) проблему бедности её архитектуры и сопутствующую этой бедности ситуацию разрыва между декларацией приоритета человеческого капитала в инновационной экономике промышленности XXI века и феномена его вторичности, по сути, лишь номинального присутствия в реалиях действующей ФПП.

Следует отметить, что мы придерживаемся и развиваем концепцию многовекторного строения (архитектуры) промышленных предприятий. Это делает актуальным, в свою очередь, многовекторное толкование их модернизационного, реиндустриализационного и пр. процессов не в узко-технологическом ключе, а в широком, с выделением всех их основных направлений. А значит, по аналогии, разработка и презентация федеральной промышленной политики также должна осуществляться не в традиционном узко-технологическом ключе, а в современном объёмном представлении, предполагающем множественность её структурообразующих направлений (проекций, подсистем). Такого рода новация в подходе к архитектуре ФПП способна, на наш взгляд, существенным образом повысить её эффективность.

2. Политэкономические основания федеральной промышленной политики.

Начиная с последнего десятилетия XX века политические силы, находящиеся у власти в России, опираются в своей практической деятельности по управлению страной «устаревшим» более чем на век архаическим политэкономическим дискурсом, весьма далёким от эпохи зрелого модернити и, тем более, начального этапа постмодернити. Обратимся к истории. На рубеже XIX – XX веков классическая политэкономия в Европе стала уступать свои позиции новой, неклассической. В то время мощно актуализировались идеи, связанные с корректировкой предмета этой науки – переориентирование на гуманитарный профиль и целеполагание. В 1897 г. известный немецкий ученый Е. Шмоллер так противопоставлял новую политическую экономию классической, руководствующейся образцами классического естествознания: «Политическая экономия (Volkswirtschaftslehre) сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму (присущими классической политэкономии, К. Л., П. Е.). От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений, связанных со стоимостью, изучает экономические институты и которая снова ставит в центр (сердце) науки не мир благ и капитала, а человека». [19, 7] Переход же политэкономии к неклассическому дискурсу, хотя и был осознан и отрефлексирован более века назад, до сих пор не занял доминирующих позиций в российской экономической науке, а тем более в головах управленческих элит, задающих, в конце концов, в интересах своих социальных сил – сподвижников и бенефициаров, скрытную, завуалированную от основных игроков, идеологию ФПП.

Отсюда – неизменная нищета, ограниченность архитектуры ФПП. Фактическое доминирование, первичность в ней техноцентристского и экономического подходов в ущерб и за счёт лишь номинально (и фрагментарно) декларируемых факторов социокультуры – социоцентристского и человекоцентристского дискурсов. К тому же остро востребованных и когерентных цивилизационным вызовам XXI века, однако отсутствующих в реальных практиках и институтах российской ФПП.

Дискурсы «человекоцентризма» и «социоцентризма», транслирующие представления о «человеке социальном», как высшей цели и смысле общественного развития, а не орудии, средстве, факторе экономического производства и потребления, с трудом пробивают себе дорогу в мире политэкономических идей, а из мира идей – в мир реальных социально-экономических структур, институтов и процессов.

В современной России в качестве базового принципа принят исключительно инструментальный подход к человеку. «Человек – наш самый главный ресурс, фактор успешной экономической политики, роста производительности труда в промышленности». Именно такого рода подход, репрезентирующий человека как «орудие, инструмент, способ» для выполнения «высоких» экономических задач, массово представлен и преобладает в речах управленческих и экономических элит, в текстах действующих программ, указов, постановлений государственных структур и пр., в том числе ФПП. Терминальный же подход с его идеями человекоцентризма, самооценности каждого человека (о чем радел цитируемый здесь Е.Шмоллер) остаётся у нас за гранью и прерогативой исключительно работников искусства и представителей мировых религий, но, увы, не власть предержащих.

Принципы «социоцентризма» и «человекоцентризма» равно как и заботы о человеке носят сегодня избирательный характер. В приоритете интересы групп силы – крупного бизнеса в связке с властью. Все это происходит на фоне пустых бесконечных разговоров последних лет о «сохранении человеческого капитала как важнейшей части государственной политики», повышении уровня жизни, качества медицины и образования населения и пр. В противовес прекраснотдушным разговорам одновременно принимается жесткая пенсионная реформа, вызвавшая аргументированную критику и массовые митинги, вбрасываются в медийное

пространство опасные идеи (пусть население привыкает) Центра стратегических разработок о сужении присутствия бесплатной медицинской помощи через принуждение людей участвовать в проекте софинансирования медицинских услуг, выставяя счета за медицинскую помощь.[10] И это при ужасающе низком уровне МРОТ (2019г. – 10290, план 2020г. – 12130 руб.) и, соответственно, реальных доходов населения.

Все выше приведенное, при всей очевидной неприглядности – суть доминантные признаки, своего рода маркеры, устаревшего изжившего себя анахронизма – политэкономического основания ныне действующей ФПП, заблудившейся в постулатах, идеях и модусах эпохи дикого (раннего) капитализма. Такого рода политэкономические основания – это черные лебеди современной ФПП.[9] Под «черными лебедями» мы понимаем здесь пробелы, изъяны и дефекты ФПП политэкономического (и социологического) содержания, выступающие для её создателей в качестве провокаторов «непредсказуемых и непрогнозируемых событий»[13], девальвирующих, сводящих на «нет» возможные созидательные эффекты данной политики и оставляющие за собой «поля проигранных сражений».[15]

3. Забвение социоцентристского и человекоцентристского подходов несложно проследить и проиллюстрировать посредством анализа предметного содержания правительственных постановлений и указов по Федеральной промышленной политике в России в 2000-2018 гг.. Он выявил опасный тренд – наиболее многочисленная категория постановлений, относится исключительно к финансовой проблематике. Она составляет более шестидесяти процентов всех федеральных постановлений правительства в сфере промышленности, насчитывая 226 постановлений за обозначенный период. При том, что следующая за ней сфера – инновационно-технологическая – включает лишь тридцать один процент от общего массива (112 постановлений из 355). (Таблица 2) [8]

Таблица 2

Предметное содержание правительственных постановлений и указов по Федеральной промышленной политике в России в 2000-2018 гг., % (355 постановлений за расчетный период).

Финансово-экономическая составляющая (226 постановлений)	Инновационно-технологическая составляющая (112 постановлений)	Человеческий капитал (условия его формирования, функционирования и существования) (17 постановлений)
63,6	31,5	4,7

Столь явный акцент на поддержке именно экономической (субсидиарной) стороны развития промышленности, говорит о приверженности старой, инерционной, не восприимчивой к веяниям нового времени, экономической политике.

Современная управляющая элита, руководствуясь идеями обсуждаемого здесь дискурса, отвергла фундаментальный, острый, социально-чувствительный принцип неклассической политэкономии, требующий обязательного решения важной экономико-этической проблемы – научно обоснованного распределения и перераспределения (процесса выравнивания доходов и личного богатства посредством налогообложения и мер социального обеспечения) произведенных благ между общественными группами. Увы! «Те, кто не считает, что работа по найму – это упорядоченное рабство, либо слепы, либо сами работают по найму». [13]. Примечательно в этой связи интервью академика РАН Сергея Глазьева: «Уровень заработной платы на единицу производимой стоимости продукции у нас в три раза ниже, чем на Западе. <...> Это происходит из-за того, что в системе социальных и производственных отношений некому защитить интересы наемных работников. У профсоюзов нет влияния. Трехсторонняя комиссия, которая у нас формально существует, в действительности ни на что влияния не оказывает. В итоге человек,

работающий по найму, один на один с крупным бизнесом. И крупный бизнес жмет зарплату вниз, чтобы получать больше сверхприбыли. Нас эта система толкает на путь классовой борьбы, от которой весь мир уже ушел.»[5]

В противовес столь многочисленным и весомым категориям финансовой и технологической составляющей весьма бедно смотрится картина численности правительственных постановлений, касающихся декларируемого приоритета – человеческого капитала. Из всего массива постановлений лишь 17 относятся непосредственно к этой категории (Диаграмма 1). [8] Человек, человеческий капитал, являющийся основой любого производства, по факту, остается не у дел, получая катастрофически мало действительного внимания.

Диаграмма 1

Де-факто, сосредоточившись на материальном и техническом обеспечении промышленности, Центр выпускает из поля зрения самую главную производительную, когнитивную силу – человека, человеческий капитал. **Человеческий капитал** в его экономико-социологической интерпретации (измерении) мы определяем как стоимость (материальная, социокультурная, социальная, символическая, духовная), создающая прибавочную стоимость в объёмах и размерах, обеспечивающих ему (чел. капиталу), в «идеальной версии», полноценное восстановление, воспроизводство и развитие «жизненных сил». Иными словами – физических, социокультурных, когнитивных, профессионально-образовательных, психоэмоциональных, ментальных и др. ресурсов, затрачиваемых в ходе производственного процесса, т.е. создания продукта соответствующего профиля: материального, социокультурного, социального, символического, ментального, духовного и др. В свою очередь развитие человеческого капитала – преобразует социокультуру общества, его материальный и духовный уклады, гармонизирует общественные отношения, актуализирует ценности свободы, демократии, солидарности, толерантности, эмпатии и пр.

Итак, стратегия развития России и её промышленного сектора, на наш взгляд, должны быть взаимоувязаны и иметь своей главной частью развитие человеческого капитала. При этом надлежит пересмотреть иерархию критериев общественного развития – переориентировать внимание с показателей темпов экономического роста, технологической оснащённости производства на показатели устойчивого гармоничного развития человека, человеческого капитала, чему призывала неклассическая политэкономия мировое сообщество более века назад. По силам ли решение такой сложной системной интегральной проблемы нашей современной управленческой элите? По всей видимости, нет! А значит, безымянные, не персонифицированные творцы и созидатели провальных федеральных промышленных политик, не оглядываясь на оставленные ими «поля проигранных сражений», вновь сядут

безответственно и увлеченно писать уже другие помпезные неэффективные федеральные программы, сулящие «распил» очередных государственных средств. И всё же думается, что возможен и другой вариант прогноза. Например, пандемия коронавируса COVID-19 серьёзно затруднит их беззаботную жизнь по конструированию ФПП в рамках прежних застарелых коррупционных матриц, схем и лекал, абсолютно неприемлемых и нежизнеспособных в условиях новых глобальных вызовов XXI века. Старая команда авторов и бенефициаров ФПП под грузом репутационных издержек пойдет ко дну и не будет допущена к формированию её нового облика и эссенциалий. Остро встанет проблема притока в федеральную политику новых креативных когнитивных ресурсов, «новых управленческих элит», компетентных и заинтересованных в обновлении и развитии отечественного промышленного сектора экономики, способных чувствовать, предугадывать и понимать реальность, расстановку социальных сил, слышать поступь истории, уметь вырабатывать быстрые и верные решения в ответ на глобальные вызовы времени.

1. Бакашин, П.Е. (2015). Анализ закона «О промышленной политике Российской Федерации». Российское предпринимательство, 16(20), 3359-3368.
2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Нужна ли России активная промышленная политика? /Е.В. Бодрова, В.В. Калинов //Наука. Мысль – №4 – 2016. – С. 160-165
3. Бухвальд Е.М., Бабкин А.В. Промышленная политика и приоритеты экономической безопасности в России // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 4. С. 94—106.
4. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, № 51, Динамика промышленного производства в России: опережающий рост добывающего сектора. – Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. – июль 2019. С.11; <https://ac.gov.ru/publication/a/23451.pdf>
5. Глазьев о повышении пенсионного возраста, НДС и офшорных олигархах https://tsargrad.tv/articles/glazev-o-povyshenii-pensionnogo-vozrasta-nds-i-ofshornyh-oligarhah_148792
6. Деев А.А., Соколов М.С. Проблемы реализации государственной промышленной политики России // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 5. — С. 585-596.
7. Ефимов В. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики. – Вопросы экономики, № 8, 2007 (С.49-67) С.57.
8. Информационно-правовое обеспечение <http://ivo.garant.ru/>
9. Корель Л., Павлюк Е. Главные черты нынешней российской экономики. Преобладание факторов торможения над факторами развития (социологический ракурс). - DOI: 10.31857/S020736760007834-6 // Общество и экономика. - 2019. - № 12. - С. 5-21
10. Кудрин предлагает сдать. 5 октября 2017 https://yandex.ru/turbo?d=1&text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fkudrin-predlagaet-sdatsja_88930
11. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Промышленность России: внешние факторы внутренней модернизации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – Санкт-Петербург, 2016. №1 – С. 126-133
12. Михалкина Е. А., Никитаева А. Ю. Молодежный рынок труда – системный импульс инновационного развития экономики // TERRA ECONOMICUS, 2016. Т. 14, № 3, с. 131-144.
13. Нассим Николас Талеб. Черный лебедь – под знаком непредсказуемости. Москва: КоЛибри. – 2014.- С. 736.
14. Орехова С.В. Технологические платформы и новая промышленная политика в России // Journal Of Economic Regulation. 2017. Т.8. №4. С. 6-19.
15. Помещик В. Поля проигранных сражений. Смоленск: Траст-Имаком: Смол'ин. 1993. С.301.
16. Прирост промышленного производства в РФ за 2008-2014гг. https://ic.pics.livejournal.com/f_husainov/16817596/331811/331811_original.jpg
17. Романова О.А. Промышленная политика как современный инструмент формирования экологически и социально дружественного пространства //Известия УГТУ. 2018. Вып. 2(50). С. 135-141.
18. Симачев Ю., Кузык М., Кузнецов Б., Погребняк Е. Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди манящих перспектив и фатальных ловушек // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 6-23.
19. Schmoller G. Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode // Schmoller G. Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. S. 215—368.